

РАЗВИТИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ ВИТЕБЩИНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.: ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Бусел
Екатерина Николаевна,**
*старший преподаватель
кафедры социально-
педагогической работы
УО «Витебский государ-
ственный университет
имени П.М. Машерова»*

ИСТОРИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье представлено развитие просветительской мысли Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века в этнопедагогическом контексте. Подробно охарактеризованы литературно-публицистическое и фольклорно-этнографическое направления просветительской мысли Витебской губернии указанного периода.

Этнопедагогический аспект развития просветительской мысли Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. – малоисследованная, актуальная тема историко-педагогического знания. Обращение к педагогическому наследию белорусского народа, в том числе в регионах, использование достижений народной педагогики в процессе воспитания способствует формированию нравственных основ в сознании подрастающего поколения, а также преодолению негативных явлений современности, среди которых – кризис системы духовно-нравственных ценностей. Источниками белорусской народной педагогики, в том числе Витебщины, выступают литературные произведения и фольклорно-этнографические труды, датированные преимущественно второй половиной XIX – началом XX в. Анализ указанных материалов позволяет сделать выводы, что основные идеи и традиции народной педагогики региона запечатлены в русле **литературно-публицистического и фольклорно-этнографического направлений** просветительской мысли Витебской губернии, которые ниже мы рассмотрим более подробно.

Во второй половине XIX в. на Витебщине развивается **литературно-публицистическое направление**. В 1855 г. уроженцем д. Островляне Городокского уезда **К. Вероницыным** (1834–

1904) была написана белорусскоязычная поэма «Тарас на Парнасе» [1, с. 213]. К. Вероницин, рожденный в семье крепостных крестьян Витебской губернии, выходец из народной среды, не только получил полноценное образование, но и увлекался литературным творчеством. Поэма «Тарас на Парнасе» отражает быт, психологию и мировоззрение простого крестьянина, близкие автору. По сути, Тарас, главный герой произведения, представляет собой собирательный образ белорусского народа. К. Вероницын подчеркивает его трудолюбие, совестливость, доброту, любовь к родной земле, бережливость, а также находчивость и остроумие, что в определенной степени отражает совокупный воспитательный идеал белорусской народной педагогики.

В 1850-е гг. на Витебщине жил и занимался творчеством поэт **Элегий Франтишек Вуль** (1835–1880), уроженец Витебской губернии. Его перу принадлежит белорусскоязычное стихотворение «К дудару Артему от надвинского мужика». Стихотворение является признанным «образцом гражданской лирики середины XIX в.» [1, с. 220], отражающим веру автора в силу и даровитость простого народа.

После восстания 1863 г. и вплоть до конца XIX в. публикации на белорусском языке были запрещены цензурой. И лишь в 1890-е гг. в губернской печати Витебщины появилось аноним-

ное произведение «Наши переселенцы...», написанное на северо-белорусском диалекте [2]. Согласно сведениям Национальной библиотеки Республики Беларусь, его автором является белорусский писатель **Александр Ельский** (1834–1916). Воззвание к простому крестьянину включает базовые идеи народной педагогики, среди которых – любовь к родной земле и чувство патриотизма: «*Ой! Якая ж гэта вялікая, святая слово: родина, родный край. Треба только зразумець гэтыя словы, и... глыбока кунаць у сэрцы*» [2, с. 4]. Автор призывает народ учиться «*айде только можно*», «*шановаць час и дармо не траіць и минуты*» [2, с. 11], по сути, заняться самовоспитанием, развивая в себе самодисциплину. Писатель затрагивает вопросы нравственности, в частности, осуждает пьянство и связывает последнее обстоятельство с неграмотностью и нежеланием народа получать образование: «*...грамота и письменнасть у народа стоіць совсем слабо... И не диво – покумелька доішчешся аднэй училишці с книжками, дык пройдешь тридцать корчем с горелкай!*» [2, с. 4].

А. Ельский уважительно относится к труду и пишет, что «*...усякая работа, ти с топором, ти то с пярэм, коли робітца, то тяжка*» [2, с. 7]. С другой стороны, автор осуждает пренебрежение образованного крестьянина к сельскому труду: «*У нас коли хто з сілян научіцца чытаць и пісаць, то ўжо чураіцца сіла и задумывае, як бы знайсці де место пісара у воласці, ти урадніка, ти інога якога чіновніка*» [2, с. 10]. Возникает ощущение, что автор, осуждая современную ему молодежь, жалеет об утраченных традициях возвеличивания крестьянского труда. Таким образом, А. Ельский выступает за сохранение лучших традиций белорусской народной педагогики, включая любовь к родной земле, уважительное отношение к труду, стремление к свету и знаниям, нравственному развитию.

Благодаря послаблениям со стороны цензуры, вызванным революционными событиями 1905–1907 гг., в губернской печати вновь появляются произведения, написанные на северо-белорусском диалекте. В 1908 г. в Витебске были опубликованы «Белорусские народные рассказы» [3] **Иосифа Даниловича Орловского** (? – 1926). Творчество писателя является малоизученным, но достаточно противоречивым. Согласно точке зрения, представленной в Белорусской Энциклопедии (1996), И.Д. Орловский «осуждал бытовые и моральные недостатки в жизни крестьян, социальную несправедливость, общественные преобразования и технический прогресс, идеализировал крепостное право, веру

в Бога и царя» [4]. Существует и другое мнение. По словам отечественного исследователя П. Вашко, Иосиф Орловский в «Белорусских народных рассказах» отобразил то, что происходило в белорусской глубинке на рубеже веков, объективно представляя сельскую жизнь, высмеивая и осуждая ограниченность мировоззрения и безграмотность, царившие в крестьянской среде [5]. Более детальный анализ «Белорусских народных рассказов» позволяет по-новому взглянуть на творчество писателя. В частности, И. Орловский поднял проблему крестьянского образования, указал недостатки народной школы, ограниченность ее курса. Например, в рассказе «Сельский староста и сосед его Матей» говорится о том, что крестьянин «*три зимы учіцца, а нічога ен ні знаець*». От имени простого крестьянина автор выступает сторонником образования, но осуждает организацию крестьянской школы: «*...и я хвалю и люблю науки, а то ен [крестьянин] с народной школы ни учоны, а только скалечены...*» [3, с. 44], и таким образом данная мысль выражает стремление народа к свету и знаниям вопреки многовековому невежеству.

Устами мудрого крестьянина Артамона Иосиф Орловский говорит об особенной роли матери в личностном становлении и развитии человека: «*А найбільш коли наші маткі самі не есць глупы, то у ней и дедкі гладкі, и людзі жывыя, а не слупы. Бо цэлая наука залежыць от нашых маток...*» [3, с. 69]. Так или иначе, эти строки отражают объективно существовавший в народной педагогике идеал матери-наставницы, подчеркивая решающее влияние последней на умственное и нравственное становление и развитие личности.

Зарождение фольклорно-этнографического движения на землях Беларуси произошло в первой половине XIX в. В качестве одного из возможных основоположников данного направления можно считать **Александра Феликсовича Рыпинского** (около 1811–1886), поэта, фольклориста, просветителя, уроженца Витебской губернии. Участник восстания 1830–1831 гг., он был вынужден эмигрировать за границу, где в 1840 г. в Париже издал этнографический труд «Беларусь», написанный, в том числе, по фольклорно-этнографическим материалам Витебщины [1, с. 223].

Дальнейшее развитие фольклорно-этнографического направления было обусловлено созданием в 1845 г. в Санкт-Петербурге Русского географического общества. Благодаря этому в 1854 г. в городе на Неве была опубликована работа **Николая Анимелле** (годы жизни не известны) «Быт белорусских крестьян Витебской губернии» [6, с. 24]. Н. Анимелле, уроженец Ви-

тебщины, вольноотпущенный крестьянин, по мнению современных историков А.В. и Ю.А. Русецких, своей работой фактически положил «начало систематическому этнокультурному изучению Беларуси» [1, с. 215]. Важно заметить, что указанный труд содержит значительное количество материала по народной педагогике региона, включая описание общественных и семейных обрядов, обычаев, поговорок, песен и легенд.

События 1863–1864 гг., повлекшие запрет на публикацию белорускоязычных произведений, способствовали, тем не менее, усилению интереса к истории, фольклору и быту Северо-Западного края. Как справедливо указывал советский историк В.И. Пичета, «после восстания 1863 г. белорусская народность стала объектом особенного внимания дворянских и правительственных кругов... Благодаря этому были собраны и опубликованы многочисленные записи памятников народного творчества... Одновременно началось тщательное изучение Западной Руси...» [7, с. 6–7].

В 1865–1873 гг. на Витебщине находился знаменитый этнограф и фольклорист **Павел Васильевич Шейн** (1826–1900), работавший в должности преподавателя немецкого языка в Витебской мужской гимназии и уроков русского и словесности в женской [8, с. 28–30]. В 1867 г. Павел Васильевич в Витебске издал «Программу для собирания памятников народного творчества» [6, с. 475]. В 1877–1891 гг. корреспондентом П.В. Шейна был Н. Я. Никифоровский [1, с. 230]. **Николай Яковлевич Никифоровский** (1845–1910), уроженец Витебской губернии, педагог, 43 года проработавший на поприще народного образования, из них 33 года было отдано учебным заведениям Витебска [9, с. 30–31], однако широкую известность Николай Яковлевич приобрел в качестве этнографа и фольклориста. В своих трудах Н.Я. Никифоровский отобразил, систематизировал и обосновал воспитательное значение разнообразных устных средств народной педагогики Витебщины – пословиц, поговорок, загадок, притч. В предисловии к книге «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах...» Н.Я. Никифоровский подчеркивает «поучительное» значение устного народного творчества: с помощью притч «слушатель поучается тому, чего нельзя было сказать ему прямо»; загадки, пословицы и поговорки используются с тем, чтобы «ярче оттенить и провести мысль поучающего», а также предостеречь слушателя от дурных поступков [10, с. 11]. Николай Яковлевич, талантливый педагог и фольклорист, обосновал воспитательное значение игры в развитии

личности. По сути, исследователь обратил внимание на то, что игры, или «бавы», использовались как средство гендерной социализации не только детей, но и лиц более зрелого возраста. Этнограф подчеркнул, что «в обществе женщин забавляются песнями, загадками да рассказами, когда мужчины ведут испытания физической силы...» [10, с. 54]. Предотвращая приобщение женщин к «корыстным» играм, распространенным в мужской среде, Н.Я. Никифоровский выступал сторонником женского образования с тем, чтобы на досуге образованная мать и сестра обучала грамоте своих детей и братьев [10, с. 54–55].

В конце XIX – начале XX в. на Витебщине активизируется исследовательская и творческая деятельность **Александра Романовича Пщелко** (1869–1943), этнографа, писателя, публициста, уроженца Витебской губернии. Александр Романович исследовал быт и обычаи населения Лепельского уезда, включая подробное описание праздников и обрядов народного календаря, что в должной степени отражает пласт воспитательных средств и методов народной педагогики Лепельщины. А.Р. Пщелко с любовью и уважением относился к крестьянскому труду [11; 12], тем самым подчеркивая его важнейшее воспитательное значение в жизни простого крестьянина.

По нашему мнению, современные исследователи народной педагогики недооценивают воспитательное значение частушки, музыкального жанра народного творчества, возникшего на рубеже XIX–XX вв. Вопреки критике, которой подвергалась частушка со стороны современников, она также выступает своеобразным средством народной педагогики, имея несомненный воспитательный потенциал. Интерес представляет работа малоизвестного автора **В. Астаповича** (полное имя и годы жизни не известны) «Белорусская частушка», изданная в Витебске в 1903 году на северо-белорусском диалекте [13]. В. Астапович систематизировал частушки в зависимости от «адресата» и исполнителя. Неся в себе воспитательный заряд, частушка отображала требования, предъявляемые белорусским народом и к мужскому, и к женскому полу. Девушкам надлежало быть скромными, трудолюбивыми, уметь рукодельничать; напротив, в женском характере осуждались кокетство, легкомыслие и лень: «*Караликау поуна шия, а кашули не пошия, и рубчики не зарубе, а хлопчикау дуже любе*» [13, с. 19]. В короткой, шутиливой форме частушка высмеивала и осуждала пороки, царившие в мужской среде, например, пьянство и курение: «*Дзеука хатку подмятеть, починочки напрядзеть, а мальчишка змолотить и у корчму зво-*

чить» [13, с. 21], «Говорила миленку, говорила дураку: ты не пи-ка, дурень, водки, не кури-ка табаку» [13, с. 86].

Вопреки воспеванию идеала крестьянина-труженика, царившего в белорусской народной педагогике, отношение крестьян Витебщины к ремесленникам не было столь однозначным, что отражает народная частушка. Так, о портном, «шевчике», говорилось: «*Што пошьет, то пропьет; придет домоу – жонку бьет*» [13, с. 42], тем самым осуждая негативные черты характера и поведения, проявлявшиеся среди представителей данной профессии. С другой стороны, частушка как жанр народного творчества отражала уважительное отношение народа к работе кузнеца: «*У коваля руки черны, да хлеб белы*» [13, с. 42]. Необходимо заметить, что В. Астаповичем частушки не только классифицированы, но и предложено собственное авторское понимание и анализ их содержания, что является безусловным достоинством указанной работы.

Таким образом, литературно-публицистическое направление, запечатлевшее идеи народной педагогики и включавшее публикацию произведений на белорусском языке, во второй половине XIX – начале XX в. развивалось в 2 этапа: до 1863 г.; начиная с середины 1890-х гг. Такая градация обусловлена реакцией на восстание 1863 г., в результате чего белорусскоязычные публикации были запрещены и отсутствовали в губернской печати около 30 лет. И лишь в 1890-е гг. с позволения цензуры в «Витебских губернских ведомостях» появились заметки анонимного автора [2], написанные на северо-белорусском диалекте, что послужило началом нового этапа в публицистике региона, характерной особенностью которого являлась печать на местном наречии. В целом, традиции и идеи народной педагогики Витебщины, включая любовь к родной земле, уважительное отношению к труду и образованию, стремление к нравственной и духовной чистоте запечатлены в поэтических и прозаических произведениях К. Вероницына, Э.Ф. Вуля, А. Ельского, И. Орловского и др.

Фольклорно-этнографическое направление в указанный период динамично развивалось, что

было обусловлено усилением интереса со стороны правительства и дворянства к историко-этнографическим особенностям Северо-Западного края вследствие восстания 1863 г. Благодаря этому исследователи В. Астапович, Н.Я. Никифоровский, А.Р. Пщелко, П.В. Шейн и др. в своих трудах запечатлевали традиции народной педагогики, включая важнейшие средства и методы воспитания, а также воспитательные идеалы белорусского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Минск: БелЭн, 2001. – 228 с.: ил.
2. Наши переселенцы (Скорэй у Томск). Оттиски из Витебских губернских ведомостей: Витебск, Губернская типо-литография, 1896. – 15 с.
3. Орловский, И.Д. Белорусские народные рассказы. Сочинения Иосифа Даниловича Орловского / И.Д. Орловский. – Полоцк: Типография Н.А. Сролиовича, 1908. – Т. 1. – 94 с.
4. Арлоўскі Восіп Данілавіч // Бел. энцыкл.: у 18 т. – Мінск, 1996. – Т. 1. – С. 485–486.
5. Вашко, П. Загадкі Восіпа Арлоўскага / П. Вашко // Першацвет. – 1996. – № 10. – С. 117–123.
6. Асветнікі зямлі Беларускай. Х – пачатак XX ст.: энцыкл. даведнік / С.А. Акуліч [и др.]; [рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. У.М. Жук]. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 492 с.
7. Пичета, В.И. Образование белорусского народа / В.И. Пичета // Вопросы истории. – 1946. – № 5–6. – С. 3–29.
8. Новиков, Н.В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора / Н.В. Новиков. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – 224 с.
9. Стукалич, В.К. Н.Я. Никифоровский (1845–1910 годы) / В.К. Стукалич. – Вильна, 1910. – 32 с.
10. Никифоровский, Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 3. – С. 21–66.
11. Януш, І. Захавальнікі спадчыны / І. Януш // Лепельскі край. – 2003. – 15 ліп. – С. 4.
12. Пщелко, А.Р. Деды: Этнографический очерк из жизни Лепельских белорусов / А.Р. Пщелко. – Витебск, 1898.